

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XIX В. О ВЫСЕЛЕНИИ ЧЕРКЕСОВ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ В 1864 г.

Тхамокова Ирина Хасановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), omarakana@mail.ru

В статье анализируются работы российских авторов XIX в., касающиеся выселения адыгов в Турцию в 1864 г. Этот вопрос занимает важное место и в современной историографии и остается дискуссионным. Корни многих сегодняшних разногласий кроются в XIX в., когда только началось изучение этой темы.

В статье исследуются различные версии выселения черкесов, существовавшие в тот период. Официальная версия сводилась к тому, что горцы выселялись добровольно, без всякого принуждения. Причинами выселения в таком случае называют их религиозный фанатизм или опасение влиятельных горцев потерять подвластных после окончания войны. Однако наряду с этим высказывались и другие мнения: горцы были изгнаны с Кавказа, и именно это было целью командования и генералов Кавказской армии в последний период войны. В таком случае причинами выселения называли исключительное стратегическое значение Черноморского побережья Кавказа.

Почти все авторы XIX в., независимо от того, считали они выселение черкесов добровольным или насильственным, полностью одобряли и поддерживали его, полагая, что оно способствовало скорейшему окончанию Кавказской войны, обеспечивало безопасность региона, а также соответствовало экономическим интересам России.

Ключевые слова: Российская империя, Османская империя, Кавказская война, выселение черкесов, российская историография.

На протяжении полутора веков вопрос о выселении народов Кавказа затрагивался во множестве научных книг и статей, а также в публицистике. Тем не менее, и в настоящее время существуют совершенно разные подходы к его изучению и совершенно разные оценки этого события, что заставляет вновь вернуться к нему. Анализ российской историографии XIX в. имеет особое значение, поскольку позволяет выявить корни современных разногласий. Сочинения этого периода неоднократно рассматривались в современных научных работах, но, как правило, очень кратко. Так, в статье А.В. Кушхабиева все дореволюционные авторы, писавшие о выселении адыгов, отнесены к имперской школе, отмечены также противоречия в их сочинениях [Кушхабиев 2014: 137–138]. Задачей данного исследования является более детальный анализ взглядов и подходов к этой теме авторов XIX в.

В историографии XIX в. главное внимание уделяется событиям 1864 г., хотя выселение началось значительно ранее и завершилось позднее. Однако именно в 1864 г. Кавказ покинуло большинство переселенцев: подавляющая часть шапсугов и нутухайцев, почти все абадзехи, все убыхи и другие группы. Это был завершающий год Кавказской войны, и в военных условиях депортация проходила иначе, чем в мирное время.

Первые планы переселения народов Кавказа составлялись задолго до 1864 г. Еще П. Пестель предлагал силой переселить «буйные» кавказские народы внутрь

России и расселить их там небольшими группами, чтобы исключить всякую возможность их сопротивления властям. Он также считал неправильным оставлять такую прекрасную землю как Кавказ в руках «полудиких», по его словам, племен, а предлагал передать ее русским переселенцам [Пестель 1906: 48]. Эти два тезиса будут повторять потом многие авторы XIX в., хотя планы Пестеля были опубликованы только спустя много лет. Подобные взгляды, тем не менее, имели широкое распространение в России.

В изданной в 1834 г. книге П.П. Зубов предлагал склонить часть кавказских горцев «к переселению внутрь России с столь очевидными выгодами, чтоб они не могли сомневаться в благодетельном намерении правительства» [Зубов 1834: 90]. Предполагалось, что переселение поможет изменить их образ жизни и одновременно обезопасит пути сообщения на Кавказе.

В последние годы Кавказской войны были предложены новые планы выселения народов Кавказа – план Д.А. Милютинина об их переселении на Дон [АКАК. Т. 12: 757–760], а затем – в 1860 г. – план генерала Н.И. Евдокимова – о выселении их в Турцию [Кравцов 1886: 29]. Именно этот последний план и был осуществлен.

Первые публикации об этом событии появились уже в 1864 г. Среди них были «Письма из Тифлиса» генерала Р.А. Фадеева, напечатанные в газете «Московские ведомости» во второй половине 1864 – начале 1865 гг. [Фадеев 1864–65]. Впоследствии они неоднократно переиздавались под названием «Письма с Кавказа». Р.А. Фадеев много лет служил на Кавказе, его работа отражает, видимо, не только его мнение, но и взгляды других представителей российского генералитета.

Прежде всего, обращает на себя внимание использованная автором терминология. Он называет выселение народов Кавказа «изгнанием», осуществленным по плану командования Кавказской армии: «Изгнание горцев из их тущоб и заселение западного Кавказа русскими, таков был план войны в последние четыре года» [Фадеев 1889-а, т. 1: 150]. Он приводит сведения (хотя и явно заниженные и противоречивые) о численности выселенных в Турцию горцев. В 1864 г. их было 190 или 211 тысяч, а в 1865 – еще 40 тысяч [Фадеев 1865, № 7; Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 204]. Это дает некоторое представление о масштабах произошедшей демографической катастрофы.

Р.А. Фадеев объясняет также причины депортации. Важнейшей из них он считает исключительное стратегическое значение Черноморского побережья Кавказа. В случае войны десант европейских держав легко мог высадиться на этом побережье, его поддержали бы жившие там горцы, и владения России на Кавказе оказались бы в опасности [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 110]. В 1863–64 гг., после начала восстания в Польше, отношения России с европейскими странами ухудшились. Перспектива новой войны казалась тогда вполне реальной, а после поражения России в Крымской войне не прошло еще и 10 лет. По этой причине генералы русской армии стремились завершить покорение Кавказа как можно скорее [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 179]. Выполнение этой задачи не только обеспечивало (по мнению Р.А. Фадеева) безопасность южных границ Российской империи «от Дуная до Китая», но и открывало перед нею возможности завоевания новых территорий на Азиатском континенте [Фадеев 1889-а, т. 1: 107].

Именно стратегическое значение Черноморского побережья Кавказа явилось причиной того, что власти России приняли решение депортировать местные народы и заменить их более надежным (с их точки зрения) русским населением: «Тот же главнокомандующий князь Барятинский, удовольствовавшийся приведением к покорности лезгин и чеченцев, поставил целью войны на западном Кавказе безусловное изгнание черкесов из их горных убежищ. Новый главнокомандующий, Великий князь Михаил Николаевич совершенно разделял этот взгляд и довел покорение до такой полноты результата; какой, может быть, никогда еще не было видано» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 148–149].

О том, какими способами была достигнута такая «полнота результата», Р.А. Фадеев пишет, хотя и кратко, но очень откровенно. Он упоминает о действиях нескольких отрядов русской армии, которые уничтожали аулы и постепенно вытесняли черкесов с их земли. Пешехский отряд «жег мелкие аулы, пока декабрьские метели, невообразимо страшные в горах, не заставили отвести его...» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 187]. Другой пример: «В декабре Джубский отряд прошел, сожигая аулы по верховьям речек...» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 189]. Жители этих аулов должны были выселяться на Кубань или в Турцию. Абадзехам для выселения был дан срок до 1 февраля 1864 г., затем он был продлен еще на неделю. После этого на их землю двинулись войска «с приказанием жечь аулы и гнать отсталых» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 189]. Те из абадзехов, кто не ушел вовремя, «должны были подвергнуться участи военнопленных». Военные действия и депортация осуществлялась зимой и в начале весны, что усугубляло тяжелое положение горцев и приводило к огромным жертвам, особенно среди мирного населения, о чем так же откровенно писал Р.А. Фадеев: «Надо было истребить горцев наполовину, чтобы заставить другую половину положить оружие. Но не более десятой части погибших пали от оружия; остальные свалились от лишений и суровых зим, проведенных под метелями в лесу и на голых скалах. Особенно пострадала слабая часть населения – женщины и дети» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 191–192].

В то же время Р.А. Фадеев не возлагал вину за гибель горцев на русскую армию и ее командование. По его представлению, такой исход войны был неизбежен и совершился как бы сам собой: «Горцы потерпели страшное бедствие, в этом нечего заперяться, потому что иначе и быть не могло» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 191]. Так же расценивали это событие и генерал Евдокимов, разработавший план выселения черкесов и руководивший его практическим осуществлением, и великий князь Михаил Николаевич, командовавший Кавказской армией. Р.А. Фадеев приводит одно высказывание генерала Евдокимова: «Я писал графу Сумарокову, для чего он упоминает в каждом донесении о замерзших телах, покрывающих дороги? Разве Великий Князь и я этого не знаем? Но разве от кого-нибудь зависит отворотить это бедствие?» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 192]. Генерал Евдокимов и великий князь тоже признавали выселение черкесов бедствием, однако никто не хотел брать на себя ответственность за него.

Основные причины и подробности выселения горцев изложены Р.А. Фадеевым в его первых восьми письмах с Кавказа, особенно в восьмом. Однако уже в следующем, девятом, письме он совершенно иначе описывает те же события. Изменяется даже терминология – теперь уже нет речи об изгнании жителей черноморского побережья, тем более – об изгнании их в Турцию: «Правительство имело одну цель в западно-кавказской войне: сдвинуть горцев с восточного берега Черного моря и заселить его русскими; эта мера была совершенно необходима для безопасности наших владений. Затем, не было никакой надобности гнать горцев в Турцию. У нас было довольно места для них...» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 200–201]. В этом письме уже нет высказываний о том, что военное командование стремилось изгнать черкесов. Напротив, говорится, что «кавказское начальство не только не поощряло выселения, но даже препятствовало ему в законной мере» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 202]. Здесь уже не упоминаются бедствия горцев на черноморском побережье Кавказа, а приводятся примеры заботы российских властей о них – раздача продовольствия неимущим и бесплатная отправка их в Турцию, назначение пособий и устройство лазаретов. Благородному поведению русского военного командования и администрации противопоставлялась жадность турецких судовладельцев и бездействие турецких властей, приводившее к гибели переселенцев уже в Турции [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 203–204].

Чем же объяснялось столь резкое изменение позиции Р.А. Фадеева? Сам он вскользь упоминает о том, что о переселении горцев в Турцию «так много и так

бестолково шумели в Европе» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 200]. Но именно этот факт, видимо, и оказал решающее влияние на изменение его подхода к описанию последнего периода Кавказской войны.

Для Европы предназначалась официальная российская версия выселения горцев. Это предположение подтверждается одним документом – письмом военного министра Д.А. Милютина. Оно являлось ответом великому князю Михаилу Николаевичу, который возмущался тем, что газета «Русский инвалид» искажила его депешу с Кавказа (он писал о столкновениях с горцами уже после официального окончания войны). Военный министр объяснял, что завершение Кавказской войны вызвало недовольство в Западной Европе, что «в иностранной журналистике, особенно в Английской, снова раздались ожесточенные нападки» на образ действий России и выступления «против мнимого варварства и жестокости Русских, изгоняющих целое народонаселение, которое будто бы гибнет тысячами не только от оружия, но и от голода, нужды и развивающейся болезненности... подобные же толки были возбуждены даже в Английском парламенте». Британский посол в России обращался к вице-канцлеру (имеется в виду, очевидно, министр иностранных дел А.М. Горчаков) и к Милютину «с вопросом о том, в какой мере справедливы известия, возбудившие снова против России общественное мнение Европы» [ОР РГБ. Ф. 169. К. 53. № 86 (382). Л. 27 об.–28]. Власти России, основываясь на официальных донесениях с Кавказа, опровергали «все преувеличенные известия о бедствиях Горцев» и объясняли, что против них «не употребляется никакого насилия, что они сами добровольно спешат переселиться в Турцию, даже вопреки тех мер, которые» принимало военное командование для того, «чтобы умерить это безотчетное и фанатическое стремление» [ОР РГБ. Ф. 169. К. 53. № 86 (382). Л. 28].

Это письмо показывает, что официальная версия выселения была создана в Санкт-Петербурге, далеко от Кавказа. Она была сформирована уже весной 1864 г. (письмо Д.А. Милютина датировано 9 июня 1864 г.). Авторами ее являлись не ученые, а чиновники министерства иностранных дел и военного министерства. Основная их цель очевидна – оправдать действия России на Кавказе. Главные положения этой версии сводились к тому, что горцы выселялись с Кавказа добровольно, без всякого принуждения, из-за своего фанатизма, а известия об их бедствиях являлись преувеличением. Официальная точка зрения российских властей не только доводилась до сведения послов и правительств европейских стран. Она стала обязательной для всех публикаций в России. Все сообщения с Кавказа, которые не соответствовали ей (включая депеши великого князя), подвергались «исправлению».

Первые восемь писем Р.А. Фадеева с Кавказа, в которых он описывает планы военного командования по изгнанию горцев, а также гибель множества женщин и детей от холода и лишений, полностью подтверждали выдвинутые против России обвинения в жестокости и варварстве и совершенно противоречили официальной версии. Непонятно, каким образом эти письма, особенно восьмое, вообще могли быть опубликованы – видимо, по ошибке. Но уже девятое письмо пришлось привести в соответствие с официальной версией – горцев никто не изгонял, они уезжали сами, их даже пытались остановить, но безуспешно. Сведения о попытках властей Российской империи облегчить положение переселенцев также вполне укладывались в эту версию.

Однако в этом же письме автор объясняет причины, по которым не следовало запрещать горцам покидать Кавказ, и это объяснение незаметно переходит в оправдание депортации. Он проявляет явно негативное отношение к этим народам и приводит здесь же еще одно основание для их выселения (помимо геополитического) – экономическое. Р.А. Фадеев писал о том, что «земля закубанцев нужна была государству, в них самих не было никакой надобности. В отношении

производства народного богатства, десять русских крестьян производят больше, чем сто горцев; гораздо было выгоднее заселить прикубанские земли своими» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 202]. Этот расчет оказался ошибочным. Вплоть до конца XIX в. русские крестьяне и казаки, поселившиеся в горах и на Черноморском побережье Кавказа, не могли приспособиться к местным условиям и добиться успехов в производстве «народного богатства». Но в последний период Кавказской войны надежды на скорое экономическое процветание края казались убедительным оправданием изгнания горцев.

В конце девятого письма Р.А. Фадеев пишет: «На покинутых пепелищах осужденного черкесского племени, стало великое племя русское... Вырваны плевела, взойдет пшеница» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 206]. Эти высказывания позволяют усомниться в том, что генералы (в большинстве своем, видимо, разделявшие это мнение) пытались препятствовать выселению черкесов. Более убедительной выглядит первоначальная версия Р.А. Фадеева об их стремлении изгнать горцев.

Другая известная работа о переселении в Турцию была опубликована много лет спустя, в 1882 г., в журнале «Русская старина». Ее автором являлся профессиональный историк, председатель Кавказской Археографической комиссии А.П. Берже. Одной из его задач было определение численности выселившихся в Турцию горцев. По собранным им сведениям, в 1864–65 гг. с Черноморского побережья Кавказа в Турцию отправились 384,5 тыс. человек [Берже 1882, в. 1: 166] – шапсугов, натухайцев, абадзехов, бжедугов, убыхов и джигетов. Это значительно больше, чем было указано в работе Р.А. Фадеева, однако сам А.П. Берже предупреждает, что и его данные были неполными, потому что не все переселенцы были учтены. Всего же с 1858 по 1866 г., по приведенным им материалам, Кавказ покинули почти полмиллиона человек (493,2 тыс.). Это показывает, что поток переселенцев был наиболее сильным именно в 1864–1865 гг., особенно в 1864 г.

В отличие от Р.А. Фадеева, А.П. Берже полностью воспроизводит официальную трактовку выселения, стараясь ни в чем не отклоняться от нее. В его работе нет речи об изгнании горцев, говорится только о разрешении переселиться в Турцию в соответствии с планом генерала Евдокимова. В качестве исторических источников обильно цитируются письма этого генерала и других деятелей того периода.

Главной причиной выселения А.П. Берже считает стремление России окончить войну в кратчайший срок [Берже 1882, в. 2: 342]. Согласно объяснениям генерала Евдокимова, это невозможно было сделать без полного выселения горцев западного Кавказа с гор и заселения их земель казаками. В отличие от Р.А. Фадеева, А.Д. Берже не задается вопросом о том, почему покорение восточного Кавказа совершилось без поголовного переселения горцев на равнины или за рубеж, а на западном Кавказе без него невозможно было обойтись.

А.П. Берже не пишет ни о стратегическом значении Черноморского побережья Кавказа, ни о заинтересованности России в землях западного Кавказа. Он цитирует письмо великого князя Михаила Николаевича, в котором кратко говорится о том, что причиной данного горцам разрешения уезжать в Турцию являлось опасение возможной войны с европейскими державами [Берже 1882, в. 10: 1]. После того, как опасность этой войны миновала, власти стали ограничивать или запрещать переселение, но сам А.П. Берже не останавливается подробно на этом факте.

Еще одной причиной выселения он называет также опасение «почетных горцев» потерять подвластных им людей после их подчинения России. Это, по словам А.П. Берже, заставляло их уезжать, а под их влиянием покидали Кавказ и их общества [Берже 1882, в. 2: 346–347]. Затем очень кратко, буквально в двух словах, говорится о религиозном фанатизме как причине отъезда горцев в Турцию [Берже 1882, в. 2: 363]. Не приведены никакие доказательства или хотя бы примеры этого фанатизма, но для официальной версии подобные доказательства, видимо, и не требовались.

По мнению автора, план генерала Евдокимова был выдвинут «в видах чело-веклоубия» [Берже 1882, в. 2: 344] для того, чтобы уменьшить количество жертв среди горцев. Но при всем своем восхищении этим планом А.П. Берже не отрицал того, что его выполнение привело к гибели многих переселенцев. Он очень кратко, в нескольких фразах описывает их тяжелое положение на Черноморском побережье Кавказа, и значительно больше места уделяет их бедствиям в Турции и на пути туда [Берже 1882, в. 2: 352–361].

Поскольку А.П. Берже придерживался официальной версии выселения, то он полностью оправдывал действия России, которая, по его словам, желала «лишь окончания тяжелой вековой войны на Кавказе и прочного покорения беспокойных обществ...» [Берже 1882, в. 2: 349]. Александра II он называет гуманнейшим из венценосцев XIX в. и отрицает сходство выселения горцев с изгнанием мавров из Испании [Берже 1882, в. 2: 363]. Генерала Евдокимова автор считал выдающимся государственным деятелем и также ни в чем не винил.

Ответственность за бедствия горцев А.П. Берже возлагает на европейскую дипломатию и Турцию, которые обещали горцам поддержку в войне против России [Берже 1882, в. 2: 341, 349]. По его мнению, если бы не внушенные горцам напрасные надежды, то они покорились бы намного раньше.

Другими виноватыми объявлялись сами горцы, которые выселялись добровольно, без всякого принуждения: «остановить панику горцев и задержать их безрассудное бегство при появлении вблизи русских войск, не было никакой возможности» [Берже 1882, в. 2: 360].

Однако в другом месте своей работы А.П. Берже пишет о том, что в последние месяцы войны от горцев требовалась безусловная покорность, которая выражалась их согласием «выселиться с гор на плоскость на указанные правительством места и подчиниться во всем русской администрации. Не желавшим исполнить это требование, предоставлялась свобода выселения в Турцию на собственный счет и страх» [Берже 1882, в. 2: 349]. Даже это свидетельство показывает, что у горцев не было возможности остаться на месте и никуда не переселяться. Они могли только выбирать, переселяться им на плоскость или в Турцию, что ставит под сомнение тезис о добровольности выселения. О том, что в этот же период сжигались аулы, А.П. Берже не упоминает ни словом.

Зато он сообщает о той помощи, которую оказывала русская администрация переселенцам – об организации контроля над ходом выселения, о выделении материальной помощи и привлечении пароходов и т.п. Однако отмечает он и тот факт, что большинство квитанций и пособий были «весьма сомнительного свойства» [Берже 1882, в. 1: 166], т.е. значительная часть выделенной правительством помощи до переселенцев, скорее всего, не дошла.

Работа А.П. Берже на долгие годы стала самым известным сочинением о выселении народов западного Кавказа. Авторы большинства других книг и статей, изданных в XIX в., если и касались этого вопроса, то очень кратко. Часть из них писала, в соответствии с официальной версией, о добровольном переселении горцев, а если и упоминала об их бедствиях, то обвиняла в них не Россию, а Турцию. Такова была позиция, например, М.Н. Каткова, главного редактора газеты «Московские ведомости» (которому были адресованы «Письма из Тифлиса» Р.А. Фадеева) [Катков 1897: 320].

Другие авторы писали о том, что правительство России предложило черкесам выселиться на плодородную Кубанскую равнину или удалиться в Турцию, и большинство из них выбрало Турцию [Ковалевский 1867: 99; Мостовский 1874: 112]. Причинами переселения в Турцию называли религиозный фанатизм [Гейдук, 1871: 22; Верещагин 1885: 4] или какое-то непостижимое влечение переселенцев [Ковалевский 1867: 100].

В то же время некоторые авторы вступают в противоречие с официальной версией выселения. Со временем эта тема потеряла былую актуальность, требования

цензуры, видимо, стали менее строгими, поэтому подобные мнения начали чаще высказываться. Еще Р.А. Фадеев упоминал о стремлении командующих Кавказской армией изгнать горцев, вслед за ним это отмечают и другие авторы. По словам генерала М.Я. Ольшевского, именно по инициативе одного из командующих – А.И. Барятинского – состоялось «насильственное переселение горцев в Турцию и водворение на Западном Кавказе христианского населения» [Ольшевский 1880, кн. 2: 314]. Здесь выселение прямо названо насильственным.

О позиции генерала Н.И. Евдокимова сообщает известный русский географ М.И. Венюков, который бывал на Кавказе в последний период войны и знал многих генералов. По его словам, Евдокимов был убежден в том, «что самое лучшее последствие многолетней, дорого стоившей для России войны, есть изгнание всех горцев за море» [Венюков 1880: 435]. Почти то же самое говорится в книге И.С. Кравцова о кавказских военачальниках: план Евдокимова состоял в том, чтобы отеснить абадзехов, шапсугов и убыхов к морю, а затем, «при несогласии их выселиться на степные пространства Ставропольской губернии, изгнать их в Турцию, а весь этот обширный край заселить русским народом» [Кравцов 1886: 29]. Похожие отзывы о планах Барятинского и Евдокимова есть и у других авторов [Надеждин 1891: 100].

М.И. Венюков также описал методы проведения и ход депортации черкесов, во многом совпадающие с рассказом Р.А. Фадеева: «Горские аулы были выжигаемы целыми сотнями...посевы вытравлялись конями или даже вытаптывались. Население аулов, если удавалось захватить его врасплох, немедленно было уводимо под военным конвоем в ближайшие станицы и оттуда отправляемо к берегам Черного моря и далее, в Турцию...» [Венюков 1878: 249]. Упоминание военного конвоя явно противоречит версии добровольного выселения.

Много сведений о разорении абадзехских, шапсугских, убыхских аулов в последние месяцы войны содержится в очерках истории тех или иных воинских частей. Отмечалось, что эти действия осуществлялись зимой, потому что в это время года «уничтожение запасов и селений действует губительно; горцы остаются совершенно без крова, с меньшими средствами для защиты и крайне стеснены в пище» [Духовский 1864, № 11: 155]. Говорится также и о том, что зима 1863–64 гг. была очень холодной, морозы доходили до -25° [Гейнс 1866, № 4: 214; Духовский 1864, № 11: 157]. Авторы этих очерков восхищаются стойкостью и выносливостью русских солдат и офицеров, которым приходилось передвигаться в такую погоду по заснеженным горным дорогам и перевалам, и сомневаются в том, что какая-либо другая армия способна была бы перенести подобные условия [Гейнс 1866, № 4: 216; Духовский 1864, № 11: 169–171]. Но в то же самое время и по тем же дорогам направлялись к морю многие тысячи адыгов, включая женщин, детей и стариков – жителей тех самых уничтоженных аулов. Часть авторов рисует апокалиптические картины массовой гибели переселенцев [Дроздов 1877: 456], однако вопрос о том, кто несет за это ответственность, никогда не ставится.

Описаны военные действия как на северном склоне гор, так и на Черноморском побережье Кавказа, где продолжилось уничтожение аулов. В марте 1864 г. «в первые три дня движения» Даховского отряда «выжжено было дочиства все пространство между второстепенным хребтом и морем. Оставлены были только для переселенцев аулы, ближайšie к берегу и к местам сбора». В последующие дни «все встреченные аулы были уничтожены» [Духовский: 1864, № 12: 288, 293]. В описаниях завершающего периода Кавказской войны можно найти немало подобных свидетельств. Сохранились также очерки военных действий против убыхов и соседних с ними групп, а также рассказ о военной экспедиции в землю хакучей летом 1864 г., т.е. уже после официального окончания Кавказской войны [Гейнс 1866, № 5: 12–36; Духовский 1864, № 12: 296–300, 352–356]. Массовое уничтожение аулов тоже не очень согласуется с версией добровольного выселения. Не случайно, А.П. Берже избегал упоминаний о нем.

Описаны также бедствия черкесов на Черноморском побережье Кавказа, где уже зимой и в начале весны 1864 г. собрались сотни тысяч людей. Главным местом сбора шапсугов и абадзехов являлось устье реки Туапсе [Духовский 1864, № 12: 289]. Однако в это время года условия для навигации на Черном море очень неблагоприятны. Переселенцам приходилось в буквальном смысле ждать у моря погоды. «Тесно скученные в тысячных массах на небольшой равнине возле Вельяминовского форта под открытым небом, пронизываемые постоянно холодным ветром, обливаемые частыми дождями, терпя недостаток в продовольствии и оставаясь без горячей пищи, дети, женщины и старики начали сильно болеть и умирать...» [Ольшевский 1895, № 10: 159–160]. По мнению генерала М.Я. Ольшевского, если бы последнее наступление на земли черкесов началось на месяц или хотя бы на две недели позже, то жертв было бы намного меньше [Ольшевский 1895, № 10: 161].

Некоторые авторы пишут также о тех группах адыгов, которые еще оставались на Кавказе после окончания войны. Натухайцы покорились в 1859–1860 гг., поэтому они не принимали участие в военных действиях последующих лет. Они жили у Черноморского побережья Кавказа, т.е. в стратегически важном регионе. Как писал Р.А. Фадеев, «...натухайцев было действительно опасно оставлять на отведенных им первоначально местах, по самой нижней Кубани; и не смотря на то, их оставляли, чтобы не нарушить данного слова...» [Фадеев 1889-а, т. 1, ч. 1: 201]. Он восхищается верностью российских властей данному слову, но в том же 1864 и в 1865 гг. почти все натухайцы тоже переселились в Турцию, в полном соответствии с желанием властей. В Османскую империю уехали также почти все абадзехи и большинство шапсугов, которые первоначально согласились переселиться на Кубань или на Лабу. Об одной из причин их ухода сообщает М.И. Венюков. Он писал о том, что генерал Н.И. Евдокимов стремился изгнать горцев в Турцию, «поэтому на оставшихся за Кубанью, хотя бы и в качестве мирных подданных, он смотрел лишь как на неизбежное зло и делал что мог, чтобы уменьшить их число и стеснить для них удобства жизни» [Венюков 1880, кн. 1, в. 2: 435–436]. И он был не единственным, кто стремился избавиться от оставшихся черкесов.

Р.А. Фадеев в одной из своих работ писал о том, что приставы, т.е. офицеры, которым должны были подчиняться жившие на западном Кавказе горцы, полагали, что «желание высшего начальства состоит в том, чтоб выпроваживать народ в Турцию» [Фадеев 1889-б, т. 1, ч. 2: 74]. Если учесть, что в состав этого начальства входил и генерал Евдокимов, то они не ошибались. Этим соображением они и руководствовались в своей работе, и у них было достаточно возможностей для того, чтобы добиться своих целей. Кроме того, оставшиеся черкесы страдали от враждебного отношения к ним казаков после окончания войны, о чем тоже упоминает Р.А. Фадеев: «От безнаказанных убийств до мелких оскорблений, побоев, захватов отведенной им земли, им много пришлось вытерпеть» [Фадеев 1889-б, т. 1, ч. 2: 71]. Это и были главные причины их переселения в Турцию в этот период.

И последний вопрос – отношение к выселению горцев в российской историографии. Почти все авторы полностью его одобряли, независимо от того, считали они его добровольным или насильственным. М.Я. Ольшевский (вслед за Р.А. Фадеевым) обращал внимание на стратегическое значение Черноморского побережья Кавказа и полагал, что только полное «очищение» его от местного населения может обезопасить его от вторжения иноземных армий в случае войны [Ольшевский 1880, кн. 2: 314–315].

Другие авторы, хотя и высказывали сожаление о судьбе черкесов, но тоже полагали, что их депортация обеспечила мир и безопасность: «Как ни крута была система обезлюживания края, принятая для окончательного покорения Кавказа, но, согласуя ее с характером полудиких жителей, нельзя не признать громадную ее выгоду относительно спокойствия России» [Гейнс 1866, № 5: 38].

Третьи обращали внимание на экономические выгоды, возможность для России получить в свое распоряжение богатые земли западного Кавказа. Эта причина часто бывает связана с миссией распространения цивилизации, которая, как считалось, лежала на России. Е.П. Ковалевский, министр просвещения России, задавался вопросом о том, «кому владеть страной – черкесам или русским? Оставить ли черкесам в обладание эту богатую дарами природы страну с тем, чтобы они по-прежнему вели в ней полукочевую жизнь и занимались грабежом, или предоставить ее России для водворения в ней промышленности и цивилизации? Ответ, кажется, не может быть сомнителен. Для всякого русского патриота остается одно и самое искреннее желание, чтобы заселение благодатной страны последовало как можно успешнее...» [Ковалевский 1867: 100]. Развитие цивилизации понимается здесь как право захватывать чужие земли, но в XIX в. подобные взгляды не были редкостью.

Примерно такие же мысли вызывало выселение горцев и у других авторов: «Эти народы, отжив свой век, оказались неспособными к высшему умственному развитию и к восприятию новейшей цивилизации, и поэтому они должны были уступить свое место элементу, назначенному Провидением перенести европейскую культуру в Азию – элементу славянскому» [Гейдук 1871: 22]. В подобных рассуждениях Кавказ выступает чем-то вроде Земли Обетованной, которую Россия должна завоевать и на которую она имеет больше прав, чем живущие здесь народы, поскольку оказалась способнее к восприятию цивилизации. Это вполне соответствовало националистической идеологии, которая усилилась в России после ее поражения в Крымской войне.

Одним из очень немногих авторов, высказавшим если не осуждение, то, во всяком случае, сомнение в оправданности депортации, был Ф. Торнау, который долго служил на Кавказе и около двух лет провел в плену у черкесов. По его словам, в первые годы его службы он не думал о том, что покорение Кавказа «так благодушно разрешится наполовину истреблением и наполовину изгнанием с Кавказа всего горского населения». Тогда ему «казалось еще возможным менее черствым способом подчинить горцев русской власти...» [Торнау 1881: 231].

Вопрос о выселении черкесов в Турцию затрагивали многие авторы XIX в., хотя крупных работ на эту тему почти не было. Уже весной 1864 г. чиновниками министерства иностранных дел и военного министерства была разработана официальная версия, сводившаяся к тому, что выселение было добровольным, его даже пытались остановить, но безуспешно, а сведения о бедствиях черкесов преувеличены. Эта версия была предназначена в первую очередь для европейских государств и должна была оправдать действия России на Кавказе. Она оказала влияние на ряд изданных в XIX в. работ, касавшихся этой темы. Ее последовательно развивал в своем труде А.П. Берже. Он повторил тезис о добровольном переселении, а в гибели переселенцев обвинял европейские державы и Турцию, обещавшие народам Кавказа свою помощь, а также самих горцев, которые выселялись под влиянием религиозного фанатизма или под воздействием «почетных лиц», опасавшихся потерять подвластных. Именно этот труд А.П. Берже приобрел наибольшую известность и оказывает влияние даже на некоторых современных авторов.

Однако в XIX высказывались и совершенно другие мнения, значительно отходившие от официальной версии. Наиболее последовательно их изложил генерал Р.А. Фадеев в первых восьми «Письмах с Кавказа». Он пишет о том, что горцы были изгнаны с Кавказа, что именно таков был план командующих Кавказской армией, что в ходе выполнения этого плана множество аулов было сожжено, что горцы потерпели «страшное бедствие». Однако в девятом письме он излагает те же события совершенно иначе, в полном соответствии с официальной версией выселения. Тем не менее, после него еще несколько авторов писали об изгнании или

насильственном выселении горцев с Кавказа. Среди этих авторов были М.И. Венюков, И.С. Кравцов, М.Я. Ольшевский, Ф.Ф. Торнау. То есть эта точка зрения была достаточно широко представлена в историографии. Кроме того, во многих очерках истории воинских частей описывается уничтожение сотен черкесских аулов в последние месяцы Кавказской войны, что также не очень согласуется с версией добровольного выселения.

Но независимо от того, считали российские авторы XIX выселение черкесов в 1864 г. добровольным или насильственным, они (за редким исключением) сходились в одном – в одобрении этой меры. По их мнению, она соответствовала интересам Российской империи, поскольку привела к быстрому завершению Кавказской войны и обеспечивала безопасность этого региона в случае будущих войн с европейскими государствами и Турцией, а также обещала экономические выгоды.

Источники и литература

1. АКАК – Акты Кавказской археографической комиссии Т. 1–12. Тифлис: Тип. Гл. упр. Наместника Кавк., 1866–1904.
2. Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. Т. XXXIII. 1882. В. 1. С. 161–176; В. 2. С. 337–362; Т. XXXVI. В. 10. 1882. С. 1–32.
3. Венюков М.И. К истории заселения Западного Кавказа // Русская старина. 1878. № 6. С. 249–270.
4. Венюков М.И. Кавказские воспоминания // Русский архив. 1880. Кн. 1. В. 2. С. 440–448.
5. Верецагин А.В. Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и ее результат. СПб.: тип. «Общественная польза», 1885. 36 с.
6. Гейдук Ф. О значении для России развития сельскохозяйственной промышленности на северо-восточном берегу Черного моря // Русский вестник. Т. 92. 1871. № 3. С. 5–41;
7. Гейнс К. Пшехский отряд с октября 1862 по ноябрь 1864 года // Военный сборник. Т. 48. 1866. № 4. С. 213–264; Т. 49. 1866. № 5. С. 3–40.
8. Дроздов И. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // Кавказский сборник. Т. 2. 1877 г. С. 387–457.
9. Духовский С. Материалы для описания войны на западном Кавказе. Даховский отряд на южном склоне гор в 1864 году // Военный сборник, 1864. № 11. С. 145–196; № 12. С. 277–357.
10. Зубов П.П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. Ч. 1–3. Санкт-Петербург: тип. К. Вингебера, 1834.
11. Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1864 г. Москва: Изд. С.П. Катковой, 1897. 841 с.
12. Ковалевский Е.П. Очерки этнографии Кавказа // Вестник Европы. 1867. Т. III. С. 75–140.
13. Кравцов И.С. Кавказ и его военачальники Н.Н. Муравьев, кн. А.И. Барятинский и гр. Н.И. Евдокимов. 1854–1864 гг. Санкт-Петербург: тип. В.С. Балашева. 1886. 73 с.
14. Кушхабиев А.В. Проблема массового выселения черкесов (адыгов) в Османскую империю (1858–1865 гг.) в работах Российских историков // Известия КБНЦ РАН. 2014. № 1 (57). С. 137–143.
15. Мостовский М.С. Этнографические очерки России. Москва: Унив. тип. (Катков и К°), 1874. 152 с.
16. Надеждин П.П. Опыт географии Кавказского края. Тула: тип. Н.И. Соколова, 1891. 282 с.
17. Ольшевский М.Я. Кавказ и покорение восточной его части // Русская старина. 1880. Кн. 2. С. 289–318.
18. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1854 по 1866 гг. // Русская старина. 1895. № 10. С. 129–166.
19. ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 169. Картон 53. № 86 (382).

20. *Пестель П.И.* Русская правда. СПб.: Культура, 1906. 245 с.
21. *Торнау Ф.Ф.* Государь Николай Павлович (Из автобиографических рассказов бывшего Кавказского офицера) // Русский архив. 1881. В. 3. (II–1). С. 228–248.
22. *Фадеев Р.А.* Письма из Тифлиса // Московские ведомости 1864 г. № 185, 192, 240, 244, 250, 253, 266, 270; 1865 г. № 6, 7, 10, 11, 12, 16, 17, 20.
23. *Фадеев Р.А.* Письма с Кавказа // Собрание сочинений Т. 1. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1889. Ч. 1. С. 99–280.
24. *Фадеев Р.А.* Записки о Кавказских делах. Дело о выселении горцев // Собрание сочинений. Т. 1. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1889. Ч. 2. С. 61–76.

RUSSIAN 19TH-CENTURY HISTORIOGRAPHY ON THE EXPULSION OF THE CIRCASSIANS TO THE OTTOMAN EMPIRE IN 1864

Tkhamokova Irina Hasanovna, Candidate of History, Senior Researcher of the Ethnology and Ethnography Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), omarakana@mail.ru

The article analyzes the works of Russian 19th-century authors on the expulsion of the Adyge people to Turkey in 1864. This is an important and widely discussed topic in modern historiography. Many disagreements have their roots in the 19th century, in the early days of research on this topic, prompting us to take a closer look at the studies of this period.

The article examines various versions of the expulsion of the Circassians that existed in the 19th century. According to the official version, the people moved out voluntarily, without any coercion. The presented reasons for the migration included religious fanaticism or fear by influential highlanders of losing their subjects after the end of the war. Other opinions were expressed, however, i.e. the highlanders were expelled from the Caucasus, and this was precisely the goal of the top military command and the Caucasian army generals toward the end the war. In this case, the cited reasons for the expulsion were the exceptional strategic importance of the Caucasus Black Sea coast.

Almost all the 19th-century authors, regardless of whether they considered the migration of the Circassians voluntary or forced, fully approved and supported it. They believed that it contributed to the early end of the Caucasian War, ensured the security of the region, and was also in line with Russia's economic interests.

Keywords: Russian Empire, Ottoman Empire, Caucasian War, expulsion of Circassians, Russian historiography.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-30-40